

С. Комаров

Вечный танец

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Комаров**
Вечный танец / С. Комаров – М.: Книга по Требованию, 2022. – 222 с.

ISBN 978-5-519-19477-8

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1930 года.

ISBN 978-5-519-19477-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свою часть состоянія на руки и поселился отдѣльно отъ матери, несмотря на ея просьбу остаться съ ней. Первое время, по ея настоянію, онъ сталъ служить въ предпріятіи одного родственника и даже хотѣлъ внести въ это дѣло часть своихъ денегъ. Однако, благія намѣренія Альфреда продолжались недолго. Шестьдесятъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ — проценты съ капитала, — богато обставленная квартира въ хорошемъ кварталѣ, успѣхъ у женщинъ, закружили голову молодому человѣку, и онъ сталъ жить, какъ многіе богатые иностранцы въ Парижѣ. Теперь ему исполнилось 27 лѣтъ, а мысль перемѣнить свой образъ жизни еще не приходила ему на умъ.

Другой молодой человѣкъ былъ его другъ. Онъ былъ русскій. Тоже высокій, шатень, съ гладко зачесанными назадъ волосами, съ открытымъ, прямымъ, немного широкимъ лицомъ и добродушнымъ взглядомъ зеленовато-голубыхъ глазъ, онъ имѣлъ видъ не хуже своего сосѣда, но его славянскій типъ былъ совершенной противоположностью южной красотѣ его друга. Маленькіе темные усы и пріятная улыбка, открывающая рядъ бѣлыхъ зубовъ, придавали его лицу особую прелесть. Ему было 26 лѣтъ и звали его Владиміръ Медвѣдевъ. Принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливецевъ русскихъ, которые, переживъ всѣ ужасы революціи и вырвавшись, наконецъ, изъ Россіи, нашли за границей капиталы, переведенные до войны. Мать его отца, задолго до войны, переселилась изъ-за своего здоровья на Ривьеру и купила тамъ большую виллу; она привезла съ собой всѣ драгоцѣнности и нѣкоторый капиталъ. Все

вмѣстѣ взятое было цѣнностью въ пять милліоновъ франковъ. По смерти бабушки Владиміръ оказался ея единственнымъ наслѣдникомъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ Владиміръ лишился матери и жилъ съ отцомъ, котораго любилъ въ глубинѣ сердца, но боялся и какъ будто даже стыдился обнаруживать передъ нимъ свои чувства. Отецъ всегда оставался для него чужимъ, хотя и горячо любимымъ человекомъ. Вслѣдствіе этого, Владиміръ еще ребенкомъ сталъ замкнутымъ и казался холоднымъ и даже безсердечнымъ, несмотря на безграничную нѣжность и отзывчивость его скрытой души. Революція, разореніе, разгромъ ихъ домашняго очага и разстрѣлъ отца произвели на него такое ужасное впечатлѣніе, настолько потрясли его, что онъ нервно заболѣлъ чѣмъ-то вродѣ горячки и, поправившись, еще долго страдалъ отъ ужасныхъ кошмаровъ по ночамъ и отъ болѣзненной впечатлительности. По смерти отца его пріютили дальніе родственники, и съ ними вмѣстѣ онъ прошелъ тотъ тернистый путь, который хорошо знакомъ всѣмъ русскимъ. Переѣзды изъ города въ городъ, уличные бои, безпрестанная смѣна властей, вѣчный страхъ за свою жизнь и за жизнь близкихъ людей и главное — отсутствіе всякаго воспитанія, образованія и нормальнаго нравственнаго развитія. Владиміръ начиналъ учиться то въ одной, то въ другой гимназіи какого-нибудь города, какъ вдругъ приходилось сниматься и бѣжать отъ приближенія врага. Родственникамъ, занятымъ добываніемъ куска хлѣба и прочими хлопотами, не было времени слѣдить за дѣтьми, и они росли безъ всякаго

призора. Слишкомъ раннее развитіе, испорченность нравовъ, общее разложеніе и нервная атмосфера революціоннаго времени — сыграли важную роль въ жизни всей этой молодежи. Владиміру было тяжело жить со своими родственниками, которымъ онъ былъ въ тягость, его отношенія съ ними портились съ каждымъ днемъ. Только въ 16 лѣтъ ему удалось покинуть родину съ близкими друзьями его отца и перѣхать во Францію. Здѣсь его ожидало большое состояніе. До совершеннолѣтія онъ находился подъ нѣкоторымъ присмотромъ своихъ старшихъ друзей, которые жили не въ Парижѣ и только изрѣдка навѣщали его. Получивъ все состояніе бабушки на руки и щедро расплатившись съ друзьями за услуги, онъ началъ видѣться съ ними все рѣже и рѣже и, наконецъ, потерялъ ихъ совсѣмъ изъ виду. Постепенно онъ сталъ вообще отходить отъ русскихъ, которые, какъ ему казалось, смотрѣли на него, какъ на золотой мѣшокъ, и сблизился съ богатыми французами и иностранцами. Владиміръ вступилъ въ жизнь, не получивъ почти никакого образованія и не имѣя нравственныхъ устоевъ, и пошелъ бы по плохой дорогѣ, если бы его состояніе не спасло его. Онъ самъ часто думалъ про себя: «Чѣмъ я живу? Тамъ, гдѣ-то далеко позади, что-то прекрасное, родное, но невозвратимое, уже далекое моей душѣ, хотя я и чувствую его присутствіе во всемъ моемъ существѣ. Тутъ-же, все чужое, пустое и непонятное, но соблазнительное до безумія».

И чѣмъ было жить? тѣми увядающими съ каждымъ днемъ надеждами, тѣми воспоминаніями, ко-

торыя заставляли вѣрить во что-то и требовали строгой правильной жизни, тѣми, какъ ему казалось, волшебными, но дѣтскими сказками, или той соблазнительной дѣйствительностью, которая окружала его?

Оба друга, ѣхавшіе на машинѣ, думали и каждый про себя, о томъ, какъ провести сегодняшний вечеръ.

— «Уже девять часовъ, пора обѣдать. Поѣдемъ сегодня куда-нибудь въ хорошій отель. Пріятно, тихо, хорошая публика и интересные женщины» — сказалъ Владиміръ.

— Мнѣ все равно — пожалъ плечами Альфредъ, — но если ты хочешь найти дѣвочекъ и не сидѣть одинъ и пить виски весь вечеръ, то пойдѣмъ куда-нибудь, гдѣ попроще. Знаешь, маленькій рестораничекъ, гдѣ мы были на прошлой недѣлѣ?

— «Сегодня было-бы недурно, конечно, поѣхать съ кѣмъ-нибудь въ Булонскій лѣсъ, но кого мы тамъ найдемъ? Опять Роберту, Сюзи, навѣрняка встрѣтимъ Ивонну»...

— А я-бы не прочь повидать Ивонну, — сладко улыбнулся Альфредъ. Мнѣ все равно какого она поведенія, но она хороша собой, весела, пріятный товарищъ; подаришь ей какой-нибудь пустякъ — всегда въ восторгѣ.

Послѣ долгихъ споровъ, все же рѣшили итти въ маленькій ресторанъ, предложенный Альфредомъ.

Владиміръ выпилъ аперитифъ, легко покончилъ вдвоемъ съ Альфредомъ съ бутылкой краснаго Бургундскаго и за кофе съ рюмкой коньяка со-

всѣмъ повеселѣлъ. Посадили ихъ въ ресторанѣ неудачно, — около какого-то пожилого господина. Да и вообще, кромѣ одной блондинки, которая не понравилась пріятелямъ, всѣ дамы были со своими кавалерами. Владиміръ, допивая коньякъ, сталъ уговаривать Альфреда заглянуть въ извѣстныя имъ кафе, въ американскіе бары и найти непременно двухъ дамъ.

— «Въ такой вечеръ я способенъ влюбиться», — сказалъ Владиміръ, затягиваясь папирсой.

— Ну, ты, кажется, всегда способенъ на это послѣ хорошаго обѣда съ обильной выпивкой, — насмѣшливо замѣтилъ Альфредъ.

— «Безусловно вино располагаетъ къ чувствительности, нѣ спорю; однако, сегодня весна, мой дорогой, а ты — скотина и ничего возвышеннаго не понимаешь... Довольно сидѣть, потребуй счетъ и идемъ на воздухъ».

Воздухомъ они, однако, долго не пользовались, и зашли въ хорошо извѣстное имъ кафе на Елисейскихъ Поляхъ. Альфредъ вскорѣ замѣтилъ высокую блондинку, которая служила манекеномъ въ одномъ изъ парижскихъ модныхъ домовъ. Она его не интересовала, и подошелъ онъ къ ней, потому что увидѣлъ сидящую съ ней брюнетку лѣтъ 18-ти, очень милостивую, которая сразу понравилась ему. Онъ пригласилъ ихъ къ своему столу и познакомилъ съ Владиміромъ. Компанія скоро оживилась. У Альфреда уже заблестѣли глаза, онъ былъ веселъ, остроумень, цѣловалъ ручки своей новой знакомой и шепталъ ей что-то на ухо, что заставляло ее неестествен-

но смѣяться и краснѣть. Владиміръ былъ тоже въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, хотя его дама не особенно ему нравилась. Вино бродило въ головѣ и ему хотѣлось выкинуть что-нибудь необыкновенное. Онъ предлагалъ ѣхать въ Довилль, еще мертвый въ это время года, или отправиться просто за городъ, разбудить хозяина какого-нибудь маленькаго кафе и провести тамъ всю ночь, заранѣе запасшись нѣсколькими бутылками хорошаго шампанскаго. Но скоро настроеніе его стало падать, а Альфредъ не былъ любителемъ такого рода удовольствій. Его дама нравилась ему, и онъ по возможности скорѣе хотѣлъ остаться съ ней наединѣ. Поэтому они рѣшили поѣхать въ одинъ изъ ресторановъ Булонскаго лѣса.

Они выбрали павильонъ Арменонвилль, ресторанъ съ большой стеклянной верандой и небольшимъ садомъ, посреди котораго находился помостъ для танцевъ, окруженный деревьями и цвѣтами. Въ теплые весенніе вечера всѣ рестораны въ лѣсу оживлялись, несмотря на неустановившуюся погоду.

Посидѣвъ около часа, распивъ бутылку шампанскаго и немного потанцовавъ, компанія молодежи собралась уѣзжать. Альфредъ попросилъ Владиміра оставить его наединѣ съ его дамой. Настроеніе Владиміра, когда онъ простился съ Альфредомъ, совсемъ упало. Онъ проводилъ свою даму, не обмѣнявшись съ ней ни однимъ словомъ, и приказалъ шофферу везти его домой. Его охватила тоска, заболѣла голова и тянуло его выпить. Ему представилась уютная комната отеля, а спать не хотѣлось,

несмотря на поздній часъ. «Сколько денегъ потрачено — подумалъ онъ — глупо, безъ всякаго удовольствія, и какъ безгранично неустроена моя жизнь! Всегда одинъ, скука...». И онъ пожалѣлъ, что отпустилъ свою даму. Въ такія минуты ему часто было пріятно имѣть около себя женщину, хотя бы совсѣмъ чужую, безразличную и даже не возбуждающую ни малѣйшаго желанія. Почти у самага дома онъ остановилъ шоффера и приказалъ ему ѣхать на Монмартръ, центръ ночной жизни въ Парижѣ, переполненный иностранцами и потерявшій всю прелесть стараго времени.

Онъ вошелъ въ накуренный маленькій рестораникъ, съ тусклымъ свѣтомъ, сквозь облака дыма увидѣлъ черныя лица музыкантовъ-негровъ, блѣдныхъ, измученныхъ лакеевъ, фраки, дорогіе мѣха и брилльянты, и пошлыя, наглыя улыбки женщинъ. Еще шампанское, еще минутный подъемъ настроенія, жаркій танецъ /лицомъ къ лицу/ съ какой-то незнакомой — и все смѣшалось, помутилось въ глазахъ, и онъ уже плохо помнилъ, какъ вышелъ изъ ресторана и какъ попалъ съ какой-то дамой въ дешевенкій отель. Громадная кровать, красныя стѣны, усыпанныя черными розами, прозрачная шелковая рубашка, голыя руки и грудь, поцѣлуи, смѣхъ и веселый голосъ, шепчущій ему на ухо: «Ты пьянъ, пьянъ, мой милый»...

Г Л А В А II

На слѣдующій день, какъ только Владиміръ вернулся въ свой отель, принялъ горячую ванну и опохмелился полу-бутылкой пива, къ нему пришелъ Альфредъ. Онъ принялъ пріятеля, лежа въ постели. Голова у него болѣла, тошнило, и по всему тѣлу пробѣгала неприятная дрожь. Растрепанные волосы, блѣдность лица, синяки подъ глазами, свидѣтельствова-ли о предыдущей ночи.

— Ты, братъ, опять пьянствовалъ? — съ сожа-лѣніемъ спросилъ Альфредъ. Какъ закончилъ ты вчерашній вечеръ?

— «Не говори — по-идіотски, конечно. Прово-дивъ свою даму, я отправился домой, но стало такъ скучно и такое было скверное настроеніе, что я по-ѣхалъ на Монмартръ и напился. Подцѣпилъ какую-то истеричную дѣвицу, которая не давала спать всю ночь, и только часъ тому назадъ я вернулся домой. Кромѣ того, конечно, истратилъ страшно много де-негъ».

— Не понимаю тебя, — сказалъ Альфредъ, съ удовольствіемъ разглядывая себя въ зеркалѣ.

— «Настроеніе, нервы... Не знаю» — поморщил-ся Владиміръ. «Но знаю, что такъ продолжаться долго не можетъ. Деньги такъ и сыпятся, а никакого удо-вольствія... Влюбиться надо, а то тоска заѣстъ».

— Не понимаю тебя, что тебѣ нужно, чего ты хочешь. Жизнь твоя обезпечена, денегъ сколько угодно, женщинъ хоть отбавляй, а ты все еще на что-

то жалуешься и чѣмъ-то недоволенъ. Сколько молодыхъ людей хотѣло бы быть въ нашемъ положеніи. Смотри, напримѣръ, мой знакомый, французъ, — я, кажется, говорилъ тебѣ о немъ — Андрей Дюшато. Тридцать лѣтъ малому, а сидитъ безъ копейки, служитъ за гроши въ дѣлѣ отца и живетъ дома, такъ что цѣлыми днями скандалы: съ кѣмъ, молъ, вышелъ, да почему ты показываешься съ дѣвками въ ресторанахъ, да какъ ты смѣешь тратить столько денегъ, да я тебя лишу наслѣдства и прочее, и прочее. Нужно, правда, замѣтить, что малый онъ недалекій; я на его мѣстѣ давно бы ушелъ отъ отца и зарабатывалъ бы вдвое больше...

— «Все это не то, другъ мой. Сама жизнь-то наша слишкомъ гадка. Вѣдь мы, братъ, ничего не дѣлаемъ, да и никакого интереса нѣтъ ни къ чему, а, главное, хотя я здѣсь и живу уже десять лѣтъ, мнѣ все кажется, что все это временно, чего-то не достаетъ и что-то должно перемѣниться».

— Все это одни слова, мой дорогой, — поддѣлался подъ тонъ его рѣчи Альфредъ. — Всегда однѣ и тѣ-же фразы. Я искренно совѣтую тебѣ заняться чѣмъ-нибудь, если ты бѣсишься отъ нашего бездѣлья... Но не мнѣ проповѣдывать мораль, глупо... Послушай, какъ отлично провелъ я вчерашній вечеръ. Ренэ, вчерашняя брюнеточка, — улыбнулся онъ, — превзошла всѣ мои ожиданія. Очень мила, въ ней много наивности, чего-то дѣтскаго и, къ моему большому удовольствію, она не относится къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя за обѣдъ и прочія развлечения отдаются вамъ въ первую-же ночь.

— «То-есть, что ты хочешь сказать?» — оживился Владиміръ — «ничего не было?».

— Нѣтъ.

— «Но это чудесно, замѣчательно! Разсказывай, это очень интересно».

— Ничего нѣтъ удивительнаго — неохотно началъ Альфредъ. Все очень просто. Она лишь недавно попала въ эту среду. Она живетъ съ родителями, очень строгими, и очень рѣдко выходитъ одна. Былъ у нея любовникъ. Бросилъ ее... Ну, разочаровалась въ мужчинахъ и тому подобное... — насмѣшливо продолжалъ Альфредъ.

— «Молодцомъ, тебя чудно провели за носъ».

— Ничего подобнаго — разсердился Альфредъ. Ты обо всѣхъ судишь одинаково. Что, онѣ всѣ рождаются, что-ли, дѣвками?! Среди нихъ есть почище нашихъ «современныхъ барышень». Все зависитъ отъ насъ-же, мужчинъ, на кого онѣ нападутъ, и отъ той среды, которая ихъ окружаетъ.

— «Не спорю, не спорю» — улыбнулся Владиміръ — «и даже замѣчаю, что ты повторяешь мои слова, но зная, твои взгляды на этотъ родъ развлеченій, я просто удивленъ. Повторю тебѣ: нѣтъ больше настоящихъ женщинъ и ни одна изъ нихъ не стоитъ даже вниманія. Конечно, среди тѣхъ, которыхъ мы знаемъ. А знаемъ мы не мало женщинъ, побывали мы съ тобой повсюду и были знакомы съ свѣтскими и не свѣтскими женщинами, и все одно и то-же», — неискренно говорилъ Владиміръ, такъ какъ вѣрилъ, что встрѣтитъ женщину, непохожую на тѣхъ, среди которыхъ они вращались. «Однако, разубѣждать те-